

HISTORY OF THE EAST

Universal history

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Всеобщая история

Научная статья
УДК 94(517.3)«12
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1125-1144>

Исторические науки

Тибетская политика монголов (1205–1235)

Юлий Иванович Дробышев

*Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия,
altanus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9318-4560>*

Аннотация. В статье обсуждаются взаимоотношения монголов с Тибетом в короткий промежуток времени между первым монгольским походом на государство тангутов Западное Ся (Си Ся) в 1205 г. и великим курултаем 1235 г. с целью решения вопроса о намерениях первых монгольских ханов подчинить Тибет. Тибетская и поздняя монгольская историография пестрит сообщениями о вторжении в Тибет самого Чингис-хана и о его успешно реализованных планах аннексии этой страны, а также о принятии им буддизма, однако эта информация носит легендарный характер. Анализ всей совокупности имеющихся в распоряжении ученых источников, с учетом мнения специалистов, показывает, что, скорее всего, при жизни Чингис-хана и Угэдэя монголы не имели планов по захвату Тибета, а все сообщения, касающиеся военных операций монголов в этой стране, говорят о пограничных районах на востоке Тибета, через которые кочевники охватывали враждебные государства Цзинь и позже – Южную Сун с правого фланга. Полученные результаты полностью подтверждают выводы, сделанные некоторыми из специалистов прежде: обширные, пустынные, удаленные от торговых путей и небогатые земли Тибета не представляли для монголов первостепенного интереса. Несмотря на принятое в 1235 г. решение о покорении большинства известных монголам стран, первая зафиксированная в литературе разведка боем произошла только в 1240 г., а реальное включение Страны снегов в состав Монгольской империи датируется еще более поздним временем.

Ключевые слова: монголы; Чингис-хан; Угэдэй; Тибет; Си Ся; Цзинь; монгольские завоевания

Для цитирования: Дробышев Ю. И. Тибетская политика монголов (1205–1235). *Ориенталистика*. 2021;4(5):1125–1144. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1125-1144>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original article

History studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1125-1144>

Tibetan policy of the Mongols (1205–1235)

Yuliy I. Drobyshev*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, altanus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9318-4560>*

Abstract. The article discusses the relationships of the Mongols with Tibet in the short period between the first Mongol campaign against the Tangut state of Western Xia (Xi Xia) in 1205 and the Great Kurultai of 1235 to resolve the issue of the intentions of the two first Mongol khans to subjugate Tibet. Tibetan and late Mongolian historiographies are full of reports about an invasion of Tibet by Genghis Khan himself and about his successfully implemented plans to annex this country, as well as about his adoption of Buddhism; however, this information is legendary. An analysis of the whole set of sources at our disposal as well as the experts' opinions reveals the following. Most likely, during the lifetime of Genghis Khan and Ogedei, the Mongols had no plans to seize Tibet, and all reports concerning Mongol military operations in this country refer only to the border areas in Eastern Tibet, through which nomads encompassed the hostile states of Jin and later – Southern Song from the right flank. The results fully confirm the conclusions already made by some scholars: the vast, desolate, remote from trade routes and poor lands of Tibet were not of primary interest to the Mongols. Despite the decision taken in 1235 to conquer most of the countries known to the Mongols, the first reconnaissance recorded in the literature took place only in 1240, and the real inclusion of the “Land of Snows” into the Mongol Empire dates back even later.

Keywords: Mongols; Genghis Khan; Ogedei; Tibet; Xi Xia; Jin; Mongol conquests

For citation: Drobyshev Yu. I. Tibetan policy of the Mongols (1205–1235). *Orientalistica*. 2021;4(5):1125–1144. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1125-1144>.

Введение

Хронологические рамки данной работы охватывают начальный период формирования Монгольской империи, когда монгольские степи уже были объединены под властью Тэмучжина (1162?–1227), удостоившегося в 1206 г. титула Чингис-хан. Годом ранее его отряды впервые вторглись в тангутское государство Си Ся, что ознаменовало начало эпохи военных походов на соседние оседлые страны. Этим и объясняется нижняя временная граница настоящего исследования. Верхнюю границу маркирует великий *курултай* (собрание знати) 1235 г., на котором было принято решение покорить ряд известных монголам стран, что обычно трактуется как их намерение захватить «весь мир». Империю в те годы возглавлял сын Чингис-хана Угэдэй (1229–1241). Таким образом, рассматриваемые в статье события приходятся на годы правления двух первых монгольских великих ханов.

Ход реализации монгольских завоевательных планов изучен мировым монголоведением вполне основательно, хотя некоторые спорные моменты сохраняются до сих пор. Один из них представляется принципиальным: чего на самом деле хотел великий завоеватель? Действительно ли он мечтал о мировом господстве и завещал ли своим потомкам довершить начатые им завоевания? Обладал ли он, как говорится сейчас, «проектным мышлением» или его действия имели спонтанный характер, а империя возникла фактически помимо его воли? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо под критическим углом зрения рассмотреть сведения, сохранившиеся в массиве источников, написанных на разных языках. Автор не ставит сейчас перед собой такую задачу, но полагает, что в какой-то мере поиску ответов может помочь анализ монголо-тибетских отношений в указанных хронологических пределах. Нельзя сказать, что данная проблема обделена вниманием историков. Ранние контакты монголов с населением Тибетского плато обсуждались в ряде работ¹, но к высказывавшимся мнениям еще есть что добавить.

Безусловно, Чингис-хан знал о существовании Тибета, а раз так, он, казалось бы, должен был вынашивать планы по его покорению. И если сам он не успел претворить их в жизнь, скончавшись в самом конце войны с тангутами на территории Западного Ся – совсем недалеко от Тибета, то его дело должны были продолжить его дети и внуки. На первый взгляд, именно так и получилось, однако события здесь развивались не столь прямолинейно, как на других фронтах растущей Монгольской империи.

Первый поход монголов в Тибет состоялся в 1240 г. по приказу внука Чингис-хана Годана (1206–1253?), который получил во владение земли в Ганьсу, в основном принадлежавшие тангутам. Полководцы Легдже и Дорда-дархан разорили два монастыря Кадампы, убили около пятисот монахов и вернулись. Скорее всего, целью рекогносцировки было выяснение, с кем в Тибете можно вести переговоры о подчинении этой политически раздробленной страны монголам [2, с. 112]. Такой представительной фигурой оказался сакьяский лама Кунга Гьялцен, более известный как Сакья-пандита (1182–1251). Он пользовался в Стране снегов большим влиянием как религиозный авторитет, более того, его род Хон наследовал руководство буддийской школой Сакья. Годан пригласил его в 1244 г. в свою ставку в Лянчжоу, но встреча состоялась только три года спустя. Годан якобы даровал своему гостю (точнее, школе Сакья) власть над всем Тибетом, под чем должна была подразумеваться, конечно, власть самого Годана. Скорее это был символический акт, не более того, – если он вообще был. Реальное подчинение Тибета монголам произошло позже, при хагане Хубилае (1260–1294), основателе воцарившейся

¹ Среди них особо следует отметить следующие: [1, с. 333–346; 2, с. 1–20; 3, с. 103–133; 4, с. 37–49; 5, с. 21–45].

в Китае монгольской династии Юань (1272–1368). История тибето-монгольских отношений при Юань послужила предметом тщательного и разностороннего изучения многих специалистов, мы же обратимся к более раннему периоду, связанному с именами Чингис-хана и Угэдэя.

Проблема подлинности контактов Чингис-хана с тибетцами

Самое раннее сообщение о контактах Чингис-хана с тибетцами приводит представитель влиятельного тибетского рода Цал, настоятель монастыря Гунгтанг и глава Цалпа Кагью Кунга Дорже (1309–1364) в сочинении «Дэбтэр марпо» («Красные анналы»)²: «Цанг-па Дункур-па Вангчук Таши... ученик Шанг [Римпоче], в то время был приглашен... в Миньяк (Си Ся. – Ю. Д.) для распространения учения Цал Кагью. После покорения государства Миньяк Чингисханом, он... дал учение Чингисхану и был направлен им в Сог (Монголию. – Ю. Д.) для проповеди доктрины Цал Кагью» (цит. по: [9, с. 84]).

Эту версию развивает более поздний тибетский автор Паво Цуглак Тренгва (1504–1566) в своем труде «Пир мудрецов», следуя в целом нарративу Кунга Дорже, но дополняя свой рассказ новыми деталями. Он пишет, что шесть монахов во главе с учеником основателя линии Цалпа Кагью Жанга Ринпоче – Цангпа Дункурпа пришли в Монголию и оказались первыми тибетскими монахами, которых встретили монголы. Монголы сделали их пастухами. Благодаря их магическим способностям весь доверенный им скот оставался в сохранности, поскольку они умели отводить природные катаклизмы. Когда Чингис-хан услышал об их мастерстве в остановке града, они уже отбыли в Си Ся из-за зависти даосов и христиан, живших среди кочевников. В тангутской державе эти монахи выполняли функции переводчиков, и когда Чингис-хан вновь вторгся в государство тангутов, Цангпа якобы служил переводчиком у него. Более того, Паво Цуглак считает, что Чингис-хан встречался с этим монахом и высоко оценил его качества. У тангутов Чингис «разрушил много храмов, и тогда лама Цанг-па отправился к хану... Он преподавал правителю святое учение, пояснил, что благо всех живых существ зависит от учения. В результате хан проникся большим уважением к учению...» [9, с. 94–95]. Одним из судьбоносных результатов этой встречи якобы был указ Чингис-хана об освобождении буддийского духовенства от податей, военной повинности и ямской службы.

По мнению Л. Петека, встреча Чингис-хана с Цангпа Дункурпа и шестью его учениками могла состояться в Монголии в 1209–1210 гг., но, более вероятно, это произошло в 1215 г. в тангутском государстве [10, с. 6]. Приведенные этим выдающимся ученым датировки производят впечатление поменявшихся местами. Из надежных источников известно, что Чингис-хан был в Си Ся не в 1215, а как раз в 1209–1210 гг. Х. Кармай

² Об этом произведении и его авторе см.: [6, с. 69–81; 7, с. 345–358; 8, с. 215–225].

придерживается другой даты пребывания лам в Монголии – 1222 г. [11, с. 42], что вполне возможно. Великий хан в это время находился в походе против Хорезма.

Более поздняя тибетская литература допускает существенные искажения этих сведений, причем исторические события, достоверность которых и без того далеко не бесспорна, превращаются в очевидную церковную легенду. Теперь встреча Чингиса и тибетских лам «происходит» на тибетской земле в ходе вторжения туда монгольских войск.

«Хрустальное зеркало прекрасных речений, демонстрирующее источники и воззрения всех философских систем» Туган Лобсан Чойкьи Нимы (1737–1802) повествует: «Чакравартин Чин ги си³ вторгся в Тибет. Он покорил три округа Нгари, четыре рога Уя и Цзана и три [региона] Лхо, Кам и Ганг. Он отправил посланника в Цзан, предложил богатые дары Сачену Кунга Ньинбо, и они вошли в альянс как духовный учитель и покровитель. Затем он пригласил его в Монголию. Он также пригласил трех его учеников. После того, как они уверовали в него, все монголы обрели веру в учение [Будды] и стали поклоняться Трем Драгоценностям. После того, как появились принявшие обеты – послушники и прочие – было положено начало буддийскому учению» (цит. по: [14, с. 90]).

Большой знаток хронологии, историк из Амдо Сумба-Хамбо, живший в XVIII в., датирует подчинение Тибета монголам годом огненного тигра (1206) [15, с. 33, 74]. По сути, он приводит ту же самую информацию о рейде Чингис-хана: «В 45 лет, когда [Чингис-хан] отправился в тибетскую [область] Уй, правители Джо-Га и Цалпа-Гунга-Дорчжэ организовали встречу и величайший праздник, четыре крыла Тибета – три округа Нгария, Уй и Цзан, три главных округа Юга все приветствовали его. Затем он отправил в Цзан, в Сакья, ламе Гунга-Ньинбо специального посланника с письмом и подарками. В тот момент, когда он не закончил некоторые главные военные действия для создания теперешнего царства, но подходил к концу этого мероприятия, [Гунга-Ньинбо] ответил: тебе вместе с сыновьями надобно развивать в стране Хор религию Победоносного. Вследствие этого он не встретился с ним самим в действительности, но с самого начала принял его в качестве учителя, всех тибетцев освободил от налогов, сделал преподношения трем культам и монашеству Уйя и Цзана, стал милостынедателем [покровителем] религии дхарма-раджей» (цит. по: [16, с. 224]). Более того, Сумба-Хамбо утверждает, что в мире не было владыки, подобного Чингис-хану, который со своими сыновьями покорил Монголию, Китай, Ордос, Хотон (Восточный Туркестан) и прочие страны, и называет в их числе Тибет [16, с. 247].

³ По мнению Ш. Биры, высоким титулом *чакравартина* наделил Чингис-хана посмертно Пагба-лама (1235–1280), племянник Сакья-пандиты [12, с. 77], но это ошибка. В сочинениях Пагба-ламы Чингис-хан не назван *чакравартином*, там о нем сказано, что он подобен (тиб. *lta bu*) *чакравартину*. То же самое относится к Хубилаю. Подробнее см.: [13, с. 34–37].

Аналогичную историю рассказывает монгольский лама Цэнбэл-гуши (1761–1835)⁴ в тибетоязычном сочинении «История буддизма в Монголии» [19, с. 24–25; 20, с. 55–56] и Дамчок Гьяцо Дхарматала в своем труде «Четки белых лотосов», опубликованном в 1889 г. в одном из монастырей Внутренней Монголии [21, с. 65, 156]⁵.

В сочинении 49-го настоятеля монастыря Лавран Браггон-Шабдрун-Гончок-Дамба-Рабчжая (1801–?) «Дэбтэр-чжамцо» («Книга-море») говорится о том, что Чингис-хан почитал сакьяского ламу Сина-гэбши, который в сопровождении трех лам направился на север для распространения учения среди монголов. Чингис-хан устроил им встречу в своем царском дворце и спросил, откуда они пришли, какому роду принадлежат и где постигли мудрость учения. В ответ он услышал, что все они тибетцы, прибыли из Сакья, что в Цзане, и являются знатоками учения премудрого Будды. Хан спросил, можно ли познать учение Будды сразу, и устроил им своеобразное испытание. Он сказал: «Я являюсь владыкой всех этих великих земель. В этой Вселенной нет величайшего, чем я. Вы есть премудрые сыновья того (Будды), и сейчас же на меня пошлите дождь». Ламы закрыли глаза, выдернули руками свои зубы, и начался дождь. Вода покрыла горы и долины. Затем Чингис-хан приказал прекратить дождь, что и было немедленно исполнено. Увидев эти чудеса, он воздал пришельцам большие почести [22, с. 12–13].

Последним монгольским историческим произведением, выдержанным в традициях монголо-тибетской историографии, в котором пересказывается предание о контактах Чингис-хана с тибетскими ламами, является «Алтан дэбтэр» («Золотая книга») Дамдина (1867–1937). Опираясь на «Пир мудрецов» Паво Цуглака, автор приводит некоторые конкретные данные в пользу того, что монголы могли впервые соприкоснуться с тибетской формой буддизма во время набегов на Си Ся. В частности, он сообщает о пребывании в Монголии семи учителей и учеников, среди которых был и Цангпа Дунгкурпа. Из-за зависти шаманов они были вынуждены покинуть Монголию и вернулись в страну тангутов. С этим Цангпа Дунгкурпа якобы дважды беседовал Чингис-хан. Лама разъяснил хану суть и пользу Учения. Первая встреча состоялась в Монголии, и в ходе ее Чингис-хан сказал, что его собеседник подобен ламам, живущим в стране тангутов. Вторая встреча произошла во время военного похода против Си Ся. Чингис-хан обнародовал указ, освобождающий буддийское духовенство от податей и воинской повинности, а также предусматривающий меры по реставрации монастырей, пострадавших в ходе военных

⁴ О нем см.: [17, с. 225–229; 18, с. 302–305].

⁵ Согласно Дхарматале, письмо монгольскому хану отправил не Гунга-Ньинбо (умерший еще в 1159 г.), а Сакья Панчен Кунга Гьялцен (Сакья-пандита), поскольку первое не согласуется с выкладками Сумба-Хамбо [21, с. 157], и переводчику его сочинения Петру Клавковскому эта история «не кажется невероятной» [21, с. 65].

действий, и некоторые другие. Дамдин не датирует поход, когда был оглашен этот указ, но в «Пире мудрецов» он приурочен к году огненной свиньи, т. е. к 1227 г. [23, с. 34–35].

Наконец, следует упомянуть оригинальный труд ламы Эрдэнипэла (1877–1960) – настоятеля монастыря Гандан в Улан-Баторе, где критически рассматриваются обе версии с привлечением дополнительных материалов из тибетских и монгольских сочинений. Автор датирует начало взаимоотношений монголов с тибетцами 1213 г., когда в монгольские степи прибыл Цангпа Дункурпа [24, с. 180–184].

Таким образом, идея о принятии Чингис-ханом буддизма совершенно закономерно заняла видное место в монгольском историческом нарративе XVII – начала XX в. Одновременно кардинально изменились взгляды на цели, которые якобы преследовал Чингис-хан: теперь его деятельность истолковывалась как исполнение поручений его небесного отца Хормусты Тэнгри по искоренению в мире злых ханов, угнетавших свои народы.

Можно полагать, что, чем хронологически ближе к рассматриваемым здесь событиям было написано то или иное историческое произведение, тем точнее оно их передает, тем меньше в нем следов более поздней политической конъюнктуры. В результате развития тибетской и зависимой от нее монгольской историографии до нас дошли две версии начала контактов монголов, включая Чингис-хана, с духовенством Тибета: 1) оно было положено Цангпа Дункурпа, пришедшим в Монголию, 2) инициатива принадлежала Чингис-хану, вторгшемуся в Тибет.

Первый вариант не вызывает особых возражений. Растущая Монгольская империя не могла не привлечь внимания буддийских проповедников, которые проникали в ее центр, скорее всего, из Си Ся, подвергавшегося периодическим набегам монголов. Кроме выходцев из Тибета, в том числе занимавших пост Государственных наставников, в стране тангутов проживало много коренных тибетцев. Об этом говорят, например, большие тиражи буддийских сутр, печатавшихся там на тибетском языке; надо учесть, что в Си Ся была чрезвычайно развита переводческая деятельность, и уже к середине XII в. на тангутский язык был переведен буддийский канон. Может быть, кто-то из учителей по своей воле отправлялся оттуда в степи, а кого-то могли принудить к этому захватчики. Так или иначе, не удивительна вероятность появления тибетских лам еще при жизни Чингис-хана при хаганском дворе или ставках его сподвижников. Иное следует сказать по поводу вероятности второго варианта развития событий.

Сарат Чандра Дас писал, что в 1203 г. Чингис-хан захватил весь Тибет [25, с. 96]. Откуда возникла эта цифра, автор не объяснил. В тибетских сочинениях, повествующих о походе Чингис-хана в Тибет, фигурирует несколько более поздняя дата – 1207 г., которую современные исследователи обычно интерпретируют как отголосок монгольского рейда в Си Ся,

имевшего место как раз в указанном году. Это была уже вторая монгольская инвазия в тангутское государство. Ее возглавлял сам Чингис, и есть некоторые основания предполагать, что в ее ходе он мог на короткое время попасть к тангутам в плен⁶.

Насколько известно, первым поставил под сомнение сообщения источников о появлении Чингис-хана в Тибете выдающийся российский востоковед и буддолог В. П. Васильев (1818–1900): «Приходил ли сам Чингисхан – это может быть сомнительно; но что, как скоро покорен был Туркестан, то и Тибет (который тогда лучше с ним сообщался) мог подпасть под его влияние – это легко допустить. Иначе мы не знаем, как это произошло и когда он подчинился» [27, с. 376]. Дальнейшее развитие науки привело к поляризации мнений. Так, Дж. Туччи полагал, что ввиду нависшей угрозы монгольского вторжения тибетские лидеры созвали совещание, на котором решили изъявить Чингис-хану покорность. С их стороны в переговорах участвовали потомок тибетских царей Дэси Джога и настоятель монастыря Цал Гунтанг, и уже в 1207 г. фактически весь Тибет перешел под власть великого хана [28, с. 8–9]. Цепон Шакабпа – первый тибетский автор, написавший историю своей страны на английском языке, сделал эту историю широко известной [29, с. 61]. Д. Снелл-гроув и Х. Ричардсон также принимают эти легенды за истину [30, с. 145].

Большинство ученых, однако, настроены скептически. Т. Уайли указал на трудно объяснимую неувязку: едва став всемонгольским ханом, Чингис якобы уже запланировал поход в Тибет. Зачем? Монголия и Тибет не имели общей границы, между ними располагалось Си Ся. Далее, что заставило тибетцев покориться, даже не выпустив в неприятеля ни одной стрелы [3, с. 105]? Достаточно подробно эти вопросы разобрал Л. Квонтен несколькими годами ранее. По его мнению, информация о контактах Чингис-хана с тибетскими ламами далека от определенности и базируется, по сути, на двух источниках: «Истории буддизма в Монголии» Цэнбэл-гуши и «Драгоценном сказании» Саган Сэцэна. Она проистекает из ошибочной передачи подробностей похода Чингиса в Си Ся и, возможно, из желания «удревнить» вхождение в состав империи. Однако какой-то отголосок истины здесь все же возможен: Цангпа Дункурпа (у Л. Квонтена ошибочно – Цалпа Кунга Дорже) мог встречаться с кем-то из ханских представителей, хотя ниже автор выражает сомнение в существовании прямых контактов тибетцев с монголами при жизни Чингис-хана, поскольку доступные источники даже не позволяют с достоверностью судить о том, знали ли вообще тибетцы о монгольском лидере. Автор приходит к выводу, что «вся история кампании Чингис-хана против Тибета – единственной бескровной кампании! – и его последующего обращения в ламаизм есть не что иное, как продукт поздней религиозной

⁶ Обоснование этой гипотезы см. в: [26, с. 380–405].

ламаистской историографии», а исторические сочинения XVII–XVIII вв. представляют собой «идеологическую пропаганду» для монголов-шаманистов [2, с. 15–18].

В отечественной науке к аналогичному решению вопроса пришел в те же годы С. Кучера: «...совокупность данных, взятых из разных источников, о намерениях и планах Чингисхана позволяет заключить, что Тибет вообще не входил в сферу его непосредственных интересов и он не замыслил похода туда. Это может быть объяснено недостаточностью сведений о Тибете, имевшихся в распоряжении великого хана, концентрацией его внимания на более богатых и более доступных странах, часть которых к тому же находилась значительно ближе к Монголии и даже непосредственно по соседству с ней, либо какими-нибудь другими, неизвестными нам причинами» [31, с. 265].

Следовательно, даже если у Чингис-хана были какие-то переговоры с тибетским духовенством, они, скорее всего, не были никак связаны с его захватническими планами и не касались Тибета.

Тибето-монгольские отношения в эпоху Чингис-хана

Итак, попробуем разобраться, какие виды мог иметь Чингис-хан на Тибет. Прежде всего, необходимо напомнить, что в первой половине XIII в. Тибет не был единым государством. Похоже, что и монголы не воспринимали его как нечто целое. Их операции в Амдо или Кхаме близ границы Цзинь и Южной Сун не затрагивали религиозные и политические центры Уя и Цзана и не были, соответственно, «войнами с Тибетом».

Одним из аргументов, который иногда выдвигается в пользу якобы замышлявшей Чингис-ханом карательной экспедиции в Тибет, может служить сообщение о злоключениях его личного врага – сына Ван-хана Нилха-Сангума, бежавшего от расправы в Си Ся, а оттуда в Тибет. Однако мог ли беглый противник, пусть даже очень опасный (Сангум имел право на Керейтское ханство, подчиненное Чингисом), заставить монголов двинуть войско в огромный, малоизвестный, пустынный район, где к тому же было трудно рассчитывать на добычу? Более того, деяния Сангума в Тибете ставят под сомнение справедливость этой версии в целом.

Жизненный путь этого человека, как его описывает Рашид ад-Дин (1247–1318), выглядит так: «Сангун, сын Он-хана, в то время, когда захватывали и умерщвляли его отца, бежал и выбрался [из беды благополучно]. Он прошел через селение, называемое Ишик-балагасун⁷ и расположенное на границе безводной степи пределов Монголии [вилаят-и Мугулистан] и ушел в область Бури-Туббэт. Он разграбил часть тех

⁷ Ицзин, ныне известный как Хара-Хото – пограничный город Си Ся, развалины которого находятся на территории хошуна Эдзин-Ци аймака Алашань (Автономный район Внутренняя Монголия, КНР). О нем см. блестящий очерк: [32, с. 273–285].

областей, прожил там некоторое время и произвел опустошения. Племена и население Тибета, собравшись, окружили его в какой-то местности, чтобы схватить [его там]. [Однако] он благополучно выбрался оттуда, ушел из рук этих племен и бежал, потерпев поражение. Он дошел до одной местности в пределах страны Хотан и Кашгара, название которой Кусэгу-Чэргэшмэ. Один из эмиров племен калач, по имени Клыч-Кара, бывший эмиром и правителем той местности, его схватил и убил. Рассказывают, что впоследствии этот эмир отослал к Чингиз-хану жену и сына Сангуна, захваченных им, а [сам] подчинился и покорился ему» [33, с. 134]. Вражда, которую Сангум затеял в Тибете, делает эту страну союзником, а не противником монголов! Следовательно, вина за принятие Сангума, которую возлагают на Тибет С. Хоу и К. Этвуд [4, с. 39; 5, с. 31], может смело быть с него снята.

В арсенале сторонников гипотезы «проектного мышления» Чингис-хана остается еще один аргумент. С. Хоу обосновывает идею, что, хотя Чингис-хан никогда не вторгнулся в Тибет сам, он, вне сомнения, вынашивал такой замысел [4, с. 41, 44]. Первую часть этой сентенции подтверждают как надежные источники (к таковым относятся в первую очередь китайские, среди которых, насколько известно автору, нет ни одного, где это событие упоминалось бы), так и общая логика деяний великого монгола, реконструируемая на солидной источниковой базе. Со второй же частью можно поспорить. По крайней мере, вызывает недоверие та категоричность, с которой ее высказывает историк.

В подкрепление своей гипотезы С. Хоу приводит цитату из биографии чжурчжэньского перебежчика Го Баою в «Юань ши», где содержится рассказ о его беседе с Чингис-ханом где-то между 1211 и 1216 гг., когда последний намеревался атаковать Сифань (западных фаней): «Он (Чингис-хан. – Ю. Д.) опасался, что многие его (Тибета? – Ю. Д.) города располагались на недоступных горных склонах, и спрашивал Баою насчет стратегем, как атаковать и взять их. Он ответил: “Если предположить, что его города на небе, то их невозможно взять. Если они не на небе, мы доберемся до них, мы их возьмем”. Император был восхищен...» (цит. по: [4, с. 41])⁸. По мнению С. Хоу, под топонимом Сифань в китайских источниках фигурировали разные тибетские земли, в том числе и весь Тибет. Однако было бы логичней думать, что Чингиса больше заботило тибето-цзиньское пограничье, через которое он мог планировать удар по чжурчжэням,

⁸ На этом автор обрывает цитату, иначе следующая далее информация работает против его гипотезы. Окончание же ее звучит так: «...и наделил его правом угнать лошадей у западных фаней и командовать их подавлением» (цит. по: [5, с. 29]). По мнению К. Этвуда, то, что якобы должен был выполнить цзиньский ренегат, на самом деле осуществил в 1226 г. знаменитый монгольский полководец Субэздэй. Он разорил земли на границе Цзинь, Си Ся и Тибета и вернулся с несколькими тысячами трофейных лошадей, принадлежавших чжурчжэням [5, с. 30–31].

и в этом случае горные крепости замедлили бы продвижение войск, если бы не удалось заранее договориться о проходе.

Гибель монгольского каравана в Отраре в 1218 г. отвлекла внимание Чингис-хана не только от Тибета, но и от Цзинь, однако возвращаться из похода на Хорезм он как будто хотел через Тибет. Планировал ли он захват тибетских земель или просто намеревался выйти к границам непокорного государства тангутов с юга? Видимо, этот вопрос так и останется без ответа. Ала ад-Дин Джувейни (1226–1283) пишет: «Когда армия восстановила здоровье, Чингисхан задумал возвратиться домой по пути через Индию в землю тангутов. Он прошел несколько перегонов, но поскольку там не было дороги, он повернул назад и пришел в Пешавар, и вернулся тем же путем, которым пришел» [34, с. 137–138] (ср.: [33, с. 125])⁹. Вернувшись в родные степи, Чингис-хан практически сразу начал готовить карательную экспедицию против Си Ся, в ходе которой и скончался на тангутской земле в августе 1227 г. Если верить китайскому источнику, перед смертью он завещал своим сыновьям завершить разгром империи Цзинь: «“Хоть десять лет трудись, но обязательно заверши завоевание: если удержишься завершить завоевание, то остатки цзиньской породы опять размножатся. Лучше уж оставить Чахэдая (Чагатая, сына Чингис-хана. – Ю. Д.) охранять [непокоренных мусульман], а [самим] забрать остатки Цзинь и окончательно покончить [с ними]”. После того [т. е. смерти Чингисхана] этим и занялись» [36, с. 77]¹⁰. О наказе Чингис-хана начать войну с Тибетом не говорит ни один известный источник.

Что касается религиозной аргументации, изображающей поход Чингис-хана в Тибет как своего рода «военизированное паломничество», то она не выдерживает никакой критики. Основатель Монгольской империи всю свою жизнь следовал традиционному степному культу Вечного Неба, и нет оснований думать, что он стремился стать адептом буддизма. Даже если бы у него возникла мысль о ритуале посвящения, он легко смог бы найти буддийских учителей вне Страны снегов.

Итак, можно полагать, что при жизни Чингис-хана подчинение Тибета монгольской власти не планировалось.

Тибето-монгольские отношения в эпоху Угэдэя

Следующий этап монголо-тибетских отношений приходится на эпоху правления хагана Угэдэя, когда «монгольский империализм» – теория и практика мирового доминирования – обрел ясные идеологические

⁹ Персидский историк Джузджани (ок. 1193 – после 1260) добавляет, что Чингис-хан устроил традиционное монгольское гадание по бараньей лопатке и тоже получил отрицательный ответ относительно предполагаемого пути через Индию [35, с. 1046–1047, 1081–1084].

¹⁰ То же сообщается в «Юань ши»: перед кончиной Чингис-хан проинструктировал сыновей, как следует совершить обходной маневр и ударить по чжурчжэням там, где они не ожидают, и завершил свою речь словами: «Разбить их обязательно!» [37, с. 161–162].

очертания и начал последовательно и системно определять монгольскую внешнюю политику.

Джувеини сообщает об отправке Угэдзем войск в Тибет вскоре после своей интронизации: «Подобным образом в Тибет и Солангай (Корею. – Ю. Д.) он послал большие или меньшие силы; в Китай он решил отправиться лично в сопровождении своих братьев» [34, с. 190; 38, с. 21]. Что конкретно понимал под Тибетом персидский историк, неясно. Китайские источники эту информацию не подтверждают. Может быть, так Джувеини истолковал последствия неудачной кампании против Цзинь в 1230–1231 гг., когда возглавлявшие ее братья Угэдэй и Толуй приостановили военные действия, но не распустили свои войска и оставили их стоять в поле в течение лета и осени 1231 г. В поисках пищи измученные голодом воины передислоцировались западнее, в тибетское приграничье. Очевидно, их присутствие крайне тяготило местное население, но большого кровопролития там не произошло [4, с. 39; 5, с. 34–35; 39, с. 269–270].

Движение монгольских войск через Тибет зафиксировал Рашид ад-Дин: «Он (Толуй. – Ю. Д.) вышел через Тибет и прошел по области Хитая, жителей которой называют Хулан Дэгэлтэн, то есть краснокафтаниками. Так как дорога, [по которой шел] каан, была дальней, то Тулуй-хан терпел в пути [лишения] и двигался медленно до следующего года; у них не осталось провианта, и дошло до того, что они ели трупы умерших людей, павших животных и сено. Он двигался с боями по горам и степям, пока в местности, называемой... не встретился лицом к лицу с огромным войском Алтан-хана (императора Цзинь. – Ю. Д.)» [38, с. 110]. И вновь это свидетельствует о военной активности монголов лишь на границах Тибета, куда они попали в результате операции против империи Цзинь.

В 1234 г. монголы закончили покорение «Золотой империи» и уже в следующем году постановили начать войну с Южной Сун, затянувшуюся до 1279 г. Несмотря на то что в известных автору решениях *курултая* 1235 г. завоевание всего Тибета не значит, он не мог остаться без внимания монгольских стратегов: «В том же году в степи Асичанк Угедей-каан назначил своего сына Кучу и царевича Кутуку, сына Джучи-Касара, в Мачин, который называют Нангяс (Южный Китай. – Ю. Д.). Они отправились [туда], взяли города Сианг-ин-фу и Ке-рин-фу и разграбили по пути области Тибета» [38, с. 36]. Как видно из приведенной цитаты, пограничные земли Тибета хотя и пострадали во время данного похода, но не они являлись целью агрессии. Теперь монголы приступили к покорению своего недавнего союзника – Южной Сун, для чего им, в частности, потребовалось обойти ее с запада. Что и было сделано через Сычуань и Дали.

Слухи о каком-то готовившемся серьезном вторжении циркулировали в Тибете в 1236 г. Опасения подогревались природными явлениями: радугой, громом и землетрясением, которые получали интерпретацию в

качестве неблагоприятных предзнаменований, но Таглунтанпа Ринченгён (1190–1236) убеждал людей, что монголы не придут [10, с. 7]¹¹.

Таким образом, источники не позволяют говорить о замыслах Угэдэя по подчинению всего Тибета, но в последние годы его правления эта страна уже попала в сферу монгольских интересов.

Заключение

Казалось бы, решение двинуть войска на Тибет выглядит логически вытекающим из хода предыдущих военных кампаний монголов. Еще при жизни Чингис-хана, в конце лета 1226 г. командующий гарнизоном Ва Чжацзэ без боя сдал второй по величине тангутский город Лянчжоу (Силян, Увэй), что открыло монголам наиболее легкий путь в Тибет [41, с. 293; 42, с. 312]. После окончательной победы над тангутами и выхода на тибетскую границу надо было либо развивать успех на южном направлении и идти покорять тибетцев, либо доводить до успешного завершения войну с чжурчжэнями, а для этого тоже был необходим обходной маневр через земли Восточного Тибета. Монголы вполне предсказуемо, как кажется, выбрали второй вариант, причем, судя по всему, с местными правителями им удалось договориться, и ни о какой широкомасштабной тибето-монгольской войне речи тогда не шло.

Во всяком случае, если в очерченные в данной статье годы тибетцы и познакомились с «монгольским империализмом», никакого следа в источниках (не только собственно тибетских, но и всех остальных) он не оставил. Действия монгольских войск на тибетских окраинах определялись тактическими задачами, а не имперской идеологией. Отсюда можно допускать, что никаких важных столкновений или судьбоносных для всей страны переговоров у тибетцев с монголами в это время не было.

Глядя из сегодняшнего дня на грандиозные военные успехи монголов, мы невольно начинаем переоценивать их силы и требовать от них невозможного. Однако исторический опыт показывает, что, планируя военные походы, монголы проявляли абсолютное здравомыслие, ввиду чего трудно предположить причину, которая побудила бы их отправиться на завоевание довольно негостеприимной Страны снегов в то время, когда еще не был повержен главнейший и все еще сильный враг – империя Цзинь, после победы над которой немедленно началась вражда с Южной Сун. Представляется, что на первых порах в Тибете монголов интересовала только лояльность локальных правителей вдоль восточной границы, чтобы иметь возможность беспрепятственно перебрасывать

¹¹ Л. Петек ссылается в данном случае на: sTag-lun-pa Nag-dban-rnam-rgyal, C'os 'byun no mts'ar rgya mts'o (1609), Tashigang 1972. В биографии Таглунтанпы Ринченгёна в «Синей летописи» перечисленные выше знамения предвещают его смерть, а не появление монголов [40, с. 334–335].

войска на правый фланг. Покорять ради этого весь Тибет явно не было нужды.

Желание монголов считать себя полновластными хозяевами Тибета как части «всего мира» тоже выглядит вполне закономерным. Если Вечное Небо дало им право владеть всей землей, почему же Тибет должен быть исключением? Однако желания и планы приходилось соразмерять с реальным положением дел. Помимо идеологии, важнейшим стимулом к военной экспансии служила жажда обогащения. Пустынные нагорья Тибета определенно не сулили богатой добычи, и здесь опять нельзя не согласиться со Станиславом Кучерой, писавшим, что «возможность грабежа и наживы, которая часто предопределяла военные акции монголов в других районах Азии, в отношении Тибета, как нам кажется, никогда не играла существенной роли» [31, с. 273]¹².

Разобранные в настоящей статье материалы позволяют с большой долей уверенности говорить об отсутствии у первых двух владык Монгольской империи сколько-нибудь ясных планов по захвату Тибета и, во всяком случае, не подтверждают мнение о желании Чингис-хана стать всемирным монархом. Что касается его преемника Угэдэя, то, в принципе, не так уж важно, была ли Страна снегов намечена им как одна из ближайших целей военной агрессии или дипломатического давления. Посылая в 1240 г. свои отряды в Тибет, Годан уже действовал вполне в русле имперской политики, но анализ его шагов автор оставляет за рамками настоящего исследования.

Дальнейшее развитие монголо-тибетских отношений привело к включению Тибета в состав Монгольской империи, причем этот процесс протекал в большей степени дипломатическим, нежели военным путем. Следовательно, закономерно сделать вывод, что монголы не отказывались от установления своей гегемонии в этом регионе Азии, но сделали они это иначе, чем в большинстве других стран, став для тибетских духовных лидеров не покорителями, а покровителями.

Литература

1. Рерих Ю. Н. Монголо-тибетские отношения в XIII и XIV вв. *Филология и история монгольских народов*. М.: Восточная литература; 1958. С. 333–346.
2. Kwanten L. Chingis Kan's Conquest of Tibet. Myth or Reality? *Journal of Asian History*. 1974;8(1):1–20.
3. Wylie T. V. The First Mongol Conquest of Tibet Reinterpreted. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1977;37(1):103–133.

¹² Аналогичные идеи высказывает и П. Бьюэлл: удаленность, стратегическая незначимость, отсутствие главных торговых путей и малое количество добычи, рассеянной по большому пространству, делали Тибет непривлекательным для монголов [43, с. 194].

4. Haw S. G. The Mongol Conquest of Tibet. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2014;24(1):37–49.
5. Atwood C. P. The First Mongol Contacts with the Tibetans. In: Vitali R. (ed.) *Trails of the Tibetan Tradition: Papers for Elliot Sperling*. Paris: UMR 8155 (CRCAO) of the French National Center for Scientific Research; 2015. P. 21–45.
6. Bira Š. Some Remarks on the “Hu-lan deb-ther” of Kun-Dga’ Rdo-Rje. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1964;17(1):69–81.
7. Шиманская А. А. Изучение памятника тибетской историографии «Дэб-тэр марпо» Кунги Дордже (предварительные данные). *Восточные общества: традиции и современность. Материалы II съезда молодых востоковедов стран СНГ*. Москва – Баку: Центр стратегических исследований при Президенте Азербайджанской Республики; 2014. С. 345–358.
8. Шиманская А. А. «Дэбтэр марпо» Кунги Дордже в контексте развития исторической мысли в Тибете. *Буддизм Ваджраяны в России: на перекрестке культур. Коллективная монография по материалам V Международной научно-практической конференции*. Красноярск: Алмазный путь; 2018. С. 215–225.
9. Китинов Б. У. *Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (сер. XV в. – 1771 г.)*. Дисс. на соиск. ст. доктора ист. наук. М.: ИВ РАН; 2020. 546 с.
10. Petech L. *Central Tibet and the Mongols. The Yüan – Sa-Skya Period of Tibetan History*. Rome: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente; 1990. 168 p.
11. Karmay H. *Early Sino-Tibetan Art*. Warminster: Aris and Filips; 1975. XVI+128 p.
12. Бира Ш. *Монгольская историография XIII–XVII вв.* М.: Наука; 1978. 320 с.
13. Tenzin Choephak Ringrapontsang. *Conquering the Conqueror: Reassessing the Relationship between Qubilai Khan and 'Phags pa Lama*: A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy of The Australian National University, 2016. XVII+251 p. – <https://openresearch-repository.anu.edu.au/bitstream/1885/114562/1/Ringrapontsang%20Thesis%202017.pdf> (дата обращения 02.01.2021).
14. Коллмар-Пауленц К. Свет Дхармы против тумана тьмы. Тибетское восприятие монголов и формирование новой монгольской идентичности в начале XVII века. *Исследования Tartaria Magna*. 2011;1:86–103.
15. *Пагсам-джонсан. История и хронология Тибета*. Пер. Р. Е. Пубаева. Новосибирск: Наука; 1991. 264 с.
16. Пубаев Р. Е. «Пагсам-чжонсан» – памятник тибетской историографии XVIII века. Новосибирск: Наука; 1981. 307 с.
17. Roerich G. N. The Author of the Hor-chos-hbyun. In: Рерих Ю. Н. *Избранные труды*. М.: Наука; 1967. С. 225–229.
18. Успенский В. Л. Биографические сведения о Цэнбэл-гуши (1761–1835), авторе «Хор чойджуна». *Цэндийн Дамдинсурэн. К 100-летию со дня рождения*. М.: Восточная литература; 2008. С. 302–305.
19. Huth G. *Hor-chos-byun. Geschichte des buddhismus in der Mongolei*. Bd. II. Strasbourg: Karl J. Trübner; 1896. XXXII+456 S.
20. Бира Ш. *Монгольская тибетоязычная историческая литература (XVII–XIX)*. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэг хороо; 1960. 84 с.

21. Damcho Gyatscho Dharmatala. *Rosary of White Lotus: Being the Clear Account of how the Precious Teaching of Buddha Appeared and Spread in the Great Hor Country*. Transl. by P. Klafkowski. Wiesbaden: Otto Harrassowitz; 1987. XXVII+537 p.

22. Дугаров Р. Н. «Дэбтэр-чжамцо» – источник по истории монголов Куку-нора. Новосибирск: Наука; 1983. 94 с.

23. Бира Ш. О «Золотой книге» Ш. Дамдина. Улан-Батор: Изд-во АНМ; 1964. 153 с.

24. Эрдэнипэл. Конечная причина религий в Монголии. Пер. Ринчена и Самбу. В: *История в трудах ученых лам*. Сост. и ред. А. С. Железняков, А. Д. Цендина. М.: Товарищество научных изданий КМК; 2005. С. 155–247.

25. Das S. Ch. Tibet under the Tartar Emperors of China in 13th Century A.D. *Journal of the Asiatic Society of Bengal*. 1905;Extra No:94–102.

26. Дробышев Ю. И. Тангутский плен Чингис-хана. *Ориенталистика*. 2021;4(2):380–405.

27. Васильев В. К хронологии Чингисхана и его преемников. *Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества*. 1889. Т. 4. СПб.: Типогр. Имп. Академии наук; 1890. С. 375–378.

28. Tucci G. *Tibetan Painted Scrolls*. Vol. 1. Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato; 1949. XV+328 p.

29. Shakabpa Ts. W. D. *Tibet: A Political History*. New Heaven–London: Yale University Press; 1967. XVI+369 p.

30. Snellgrove D. L., Richardson H. *A Cultural History of Tibet*. Bangkok: Orchid Press; 2003. 309 p.

31. Кучера С. Завоевание монголами Тибета. *Монголо-татары в Азии и Европе*. Изд. 2-е. М.: Наука; 1977. С. 260–281.

32. Казин В.Н. К истории Хара-Хото. *Труды Государственного Эрмитажа*. Т. V. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. С. 273–285.

33. Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. I. Кн. 2. Пер. О. И. Смирновой. М.; Л.: Изд-во АН СССР; 1952. 306 с.

34. Juvaini Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror*. Transl. by J. A. Boyle. Manchester: Manchester University Press; 1997. LXVII+764 p.

35. *Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A. H. 194 (810 A. D.) to A. H. 658 (1260 A. D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam*. By Minhaj-ud-din, Abū-'Umar-i-'Usman; transl. from original Persian manuscripts by H. G. Raverty. Vol. II. London: Gilbert and Rivington; 1881.

36. Пэн Да-я, Сюй Тин. *Хэй-да шилюз (Краткие известия о черных татарах)*. Пер. Р. П. Храпачевского. В: *Золотая орда в источниках*. Т. III: *Китайские и монгольские источники*. М.: [Б. и.]; 2009. С. 27–120.

37. Китайская династийная история «Юань ши (Официальная история [династии] Юань)». Пер. Р. П. Храпачевского. В: *Золотая орда в источниках*. Т. III: *Китайские и монгольские источники*. М.: [Б. и.]; 2009. С. 121–291.

38. Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. II. Пер. Ю. П. Верховского. М.; Л.: Изд-во АН СССР; 1960. 248 с.

39. Atwood C. P. Pu'a's Boast and Doqolqu's Death: Historiography of a Hidden Scandal in the Mongol Conquest of the Jin. *Journal of Song–Yuan Studies*. 2015;45:239–278.

40. Гой-лоцзава Шоннупэл. *Синяя Летопись*. Пер. с тиб. Ю. Н. Рериха; пер. с англ. О. В. Альбедилы и Е. Ю. Харьковой. СПб.: Евразия; 2001. 768 с.

41. Martin H. D. *The Rise of Chingis Khan and his Conquest of North China*. Baltimore: The J. Hopkins press; 1950. XVIII+360 p.

42. Кычанов Е. И. *Очерк истории тангутского государства*. М.: Наука; 1968. 356 с.

43. Buell P. D. Tibetans, Mongols and the Fusion of Eurasian Cultures. In: Akasoy A., Burnett Ch., Yoeli-Tlalim R. (eds) *Islam and Tibet – Interactions along the Musk Routes*. London: Routledge; 2016. P. 189–208.

References

1. Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1958, pp. 333–346.

2. Kwanten L. Chingis Kan's Conquest of Tibet. Myth or Reality? *Journal of Asian History*. 1974;8(1):1–20.

3. Wylie T.V. The First Mongol Conquest of Tibet Reinterpreted. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1977. Vol. 37. № 1. Pp. 103–133.

4. Haw S. G. The Mongol Conquest of Tibet. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2014;24(1):37–49.

5. Atwood C. P. The First Mongol Contacts with the Tibetans. In: Vitali R. (ed.) *Trails of the Tibetan Tradition: Papers for Elliot Sperling*. Paris: UMR 8155 (CRCAO) of the French National Center for Scientific Research; 2015, pp. 21–45.

6. Bira Š. Some Remarks on the “Hu-lan deb-ther” of Kun-Dga' Rdo-Rje. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1964;17(1):69–81.

7. Shimanskaya A. A. The study of the monument of Tibetan historiography “Debter marpo” by Kunga Dorje (preliminary data). *Eastern societies: traditions and modernity. Materials of the II Congress of Young Orientalists of the CIS Countries*. Moscow–Baku: Center for Strategic Studies under the President of the Republic of Azerbaijan; 2014, pp. 345–358. (In Russ.)

8. Shimanskaya A. A. “Debter marpo” by Kunga Dorje in the context of the development of historical thought in Tibet. *Vajrayana Buddhism in Russia: at the crossroads of cultures. Collective monograph based on the materials of the V International Scientific and Practical Conference*. Krasnoyarsk: Almazny Put'; 2018, pp. 215–225. (In Russ.)

9. Kitinov B. U. *The Buddhist factor in the political and ethnic history of the Oirats (middle of XV century – 1771)*. Diss. ... Doctor of Sciences. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS; 2020. 546 p. (In Russ.)

10. Petech L. *Central Tibet and the Mongols. The Yüan – Sa-Skya Period of Tibetan History*. Rome: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente; 1990. 168 p.

11. Karmay H. *Early Sino-Tibetan Art*. Warminster: Aris and Filipis, 1975. XVI+128 p.

12. Bira Sh. *Mongolian historiography of the XIII–XVI centuries*. Moscow: Nauka, 1978. 320 p. (In Russ.)

13. Tenzin Choephak Ringpapontsang. *Conquering the Conqueror: Reassessing the Relationship between Qubilai Khan and 'Phags pa Lama*: A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy of The Australian National University, 2016 XVIII+251 p. – <https://openresearch-repository.anu.edu.au/bitstream/1885/114562/1/Ringpapontsang%20Thesis%202017.pdf> (дата обращения 02.01.2021).

14. Kollmar-Paulentz K. The light of Dharma against the fog of darkness. Tibetan perception of the Mongols and the formation of a new Mongolian identity at the beginning of the XVII century. *Studies of Tartaria Magna*. 2011;1:86–103. (In Russ.)
15. Pubaev R. E. (transl.) *Pagsam-zhongsan: History and chronology of Tibet*. Novosibirsk: Nauka; 1991. 264 p. (In Russ.)
16. Pubaev R. E. “*Pagsam-zhongsan*” – a monument of Tibetan historiography of the XVIII century. Novosibirsk: Nauka; 1981. 307 p. (In Russ.)
17. Roerich G. N. The Author of the Hor-chos-hbyun. *Selected works*. Moscow: Nauka; 1967, pp. 225–229.
18. Uspensky V. L. Biographical information about Tsenbel-gushi (1761–1835), the author of “Khor Choyjun”. *Tsendiin Damdinsuren. To the 100th anniversary of his birth*. Moscow: Vostochnaya literature; 2008, pp. 302–305. (In Russ.)
19. Huth G. *Hor-chos-byun. Geschichte des buddhismus in der Mongolei*. Bd. II. Strassburg: Karl J. Trübner; 1896. XXXII+456 S.
20. Bira Sh. *Mongolian Tibetan-language historical literature (XVII–XIX)*. Ulaanbaatar: Ulsyn havelijn hereg erhleg khoroo, 1960. 84 p. (In Russ.)
21. Damcho Gyatscho Dharmatala. *Rosary of White Lotuses: Being the Clear Account of how the Precious Teaching of Buddha Appeared and Spread in the Great Hor Country*. Transl. by P. Klafkowski. Wiesbaden: Otto Harrassowitz; 1987. XXVII+537 p.
22. Dugarov R. N. “*Debter-zhamtso*” – a source on the history of the Mongols of *Kuku-nor*. Novosibirsk: Nauka; 1983. 94 p. (In Russ.)
23. Bira Sh. *About the “Golden Book” by Sh. Damdin*. Ulaanbaatar: Izdatel’stvo Akademii nauk Mongolii; 1964. 153 p. (In Russ.)
24. Erdenipel. The Ultimate Cause of Religions in Mongolia. Transl. by Rinchen and Sambu. In: Zhelezniakov A. S., Tsendina A.D. (comp. and eds) *History in the works of scientists lams*. Moscow: Tovarishchestvo nauchnyh izdaniy KMK; 2005, pp. 155–247. (In Russ.)
25. Das S. Ch. Tibet under the Tartar Emperors of China in 13th Century A. D. *Journal of the Asiatic Society of Bengal*. 1905;Extra No.:94–102.
26. Drobyshev Yu. I. Tangut captivity of Genghis Khan. *Orientalistics*. 2021;4(2):380–405. (In Russ.)
27. Vasiliev V. To the chronology of Genghis Khan and his successors. *Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society*. 1889. Vol. 4. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk; 1890, pp. 375–378. (In Russ.)
28. Tucci G. *Tibetan Painted Scrolls*. Vol. 1. Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato; 1949. XV+328 p.
29. Shakabpa Ts. W. D. *Tibet: A Political History*. New Heaven; London: Yale University Press; 1967. XVI+369 p.
30. Snellgrove D. L., Richardson H. *A Cultural History of Tibet*. Bangkok: Orchid Press; 2003. 309 p.
31. Kuchera S. The conquest of Tibet by the Mongols. *Mongol-Tatars in Asia and Europe*. 2 ed. Moscow: Nauka; 1977, pp. 260–281. (In Russ.)
32. Kazin V. N. To the history of Khara-Khoto. *Proceedings of the State Hermitage Museum*. Vol. V. Leningrad: Izdatel’stvo Gosudarstvennogo Ermitazha; 1961, pp. 273–285. (In Russ.)

HISTORY OF THE EAST

Drobyshev Yu. I. Tibetan policy of the Mongols (1205–1235)

Orientalistica. 2021;4(5):1125–1144

33. Rashid al-Din. *Collection of chronicles*. Vol. I. Book 2. Transl. by O. I. Smirnova. Moscow–Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR; 1952. 306 p. (In Russ.)

34. Juvaini Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror*. Transl. by J. A. Boyle. Manchester: Manchester University Press; 1997. LXVII+764 p.

35. Minhaj-ud-din, Abū-'Umar-i-'Usman (eds); Raverty H. G. (transl. from original Persian manuscripts) *Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A. H. 194 (810 A. D.) to A. H. 658 (1260 A. D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam*. Vol. II. London: Gilbert and Rivington; 1881. 883 p.

36. Peng Da-ya, Xui Ting. Hey-da shilue (Brief news about the Black Tatars). Transl. by R. P. Khrapachevsky. In: *The Golden Horde in sources*. Vol. III: *Chinese and Mongolian sources*. Moscow: w. p.; 2009, pp. 27–120. (In Russ.)

37. Chinese dynastic history “Yuan shi (the official history of the [dynasty] Yuan)”. Transl. by R. P. Khrapachevsky. *The Golden Horde in sources*. Vol. III: *Chinese and Mongolian sources*. Moscow: w. p.; 2009, pp. 121–291. (In Russ.)

38. Rashid ad-Din. *Collection of chronicles*. Vol. II. Transl. by Yu. P. Verkhovskiy. Moscow–Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR; 1960. 248 p. (In Russ.)

39. Atwood C. P. Pu'a's Boast and Doqolqu's Death: Historiography of a Hidden Scandal in the Mongol Conquest of the Jin. *Journal of Song–Yuan Studies*. 2015;45:239–278.

40. Goi-lotsava Shonnupe. *The Blue Annals*. Transl. from the Tibetan by Yu. N. Rorich, trans. from the English by O. V. Albedil' and E. Y. Kharkova. St. Petersburg: Evraziya; 2001. 768 p. (In Russ.)

41. Martin H. D. *The Rise of Chingis khan and his Conquest of North China*. Baltimore: The J. Hopkins press; 1950. XVIII+360 p.

42. Kychanov E.I. *Outline of the history of the Tangut state*. Moscow: Nauka; 1968. 356 p. (In Russ.)

43. Buell P. D. Tibetans, Mongols and the Fusion of Eurasian Cultures. In: Akasoy A., Burnett Ch., Yoeli-Tlalim R. (eds) *Islam and Tibet – Interactions along the Musk Routes*. London: Routledge; 2016, pp. 189–208.

Информация об авторе

Дробышев Юлий Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия; <https://orcid.org/0000-0002-9318-4560>, e-mail: altanus@mail.ru

Information about the author

Yuliy I. Drobyshev – Ph. D. (Hist.), Senior Research Fellow of the department of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; <https://orcid.org/0000-0002-9318-4560>, e-mail: altanus@mail.ru

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28 августа 2021
Одобрена после рецензирования: 25 сентября 2021
Принята к публикации: 10 октября 2021
Опубликована: 27 декабря 2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU. Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: August 28, 2021
Approved after peer reviewing: September 25, 2021
Accepted for publication: October 10, 2021
Published: December 27, 2021

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.